

Над горячим котлом поднимается пар, настой из фруктов сладок и приятен. Фучжоуский ван ест с таким энтузиазмом, что то хвалит нежное мясо ягнёнка, то рассказывает забавные случаи с тренировок на поле. Атмосфера за столом такая же тёплая и непринуждённая, как на братском пиру в обычной семье.

За окном наконец-то полностью опустились сумерки. Последний отблеск багряного света исчез с небосвода, и первые звёзды начали появляться на фоне глубокой синевы ночи.

В коридорах дворца один за другим зажигаются фонари. Тёплый жёлтый свет проникает сквозь оконные решётки, создавая на гладком каменном полу мягкие, спокойные тени.

Этот обед должен был закончиться ещё днём, но Фучжоуский ван был в отличном настроении. Поглаживая живот, он воскликнул: "Братец Император! Как же я соскучился по твоему котлу! Давай устроим ещё один раунд вечером? Только есть — это скучно, нужно добавить немного вина для веселья!"

Ли Чжао не мог сдержать улыбку при виде его энтузиазма. "Ты прямо как огонь, который нельзя потушить. Решил за один день попробовать все вкусы моего дворца? Это что, пир духа чревоугодия?"

"Да, сегодня я не уйду, пока не наемся. Неужели дела твоего двора настолько плохи, что ты не можешь позволить себе такой пир?" — поддразнил Фучжоуский ван.

"Не стоит недооценивать мои способности зарабатывать деньги", — ответил Ли Чжао.

После этих слов Ли Чжао сам почувствовал, что проголодался. Он решительно объявил: "Едим."

И вот состоялся этот вечерний приём. Что касается вина... конечно же, это был всё тот же фруктовый настой.

"Братец Император!" — запротестовал Фучжоуский ван. "Этот фруктовый настой слишком мягкий, как сладкая вода! Настоящие мужчины должны пить крепкое вино, только тогда веселье настоящее! Я уже полдня пью, а эффекта никакого!"

"Хватит тебе благодарить судьбу за то, что есть, нечего капризничать", — смеясь, ответил Ли Чжао. "У меня нет крепкого вина, так что придётся тебе смириться."

А причина этого была проста. Те несколько кувшинов крепкого вина, которые Ли Чжао с трудом достал, были "случайно" обнаружены кем-то и целиком вынесены.

Более того, этот человек очень внимательно заменил их множеством мягких фруктовых настоев, называя это "обменом любезностями".

Фучжоуский ван хихикнул и торжествующе сказал: "Я знал, что ты так скажешь! К счастью, я подготовился заранее и послал людей в свой дворец за несколькими кувшинами. Вон, они уже идут!" Едва он договорил, как несколько слуг вошли, неся нераспечатанные кувшины с вином.

"Братец Император! Господин Мин! Вот!" Фучжоуский ван разбил глиняную печать на одном из кувшинов, и аромат вина сразу распространился по комнате. "Сегодня вечером мы напьемся до беспамьятства!"

Ли Чжао покачал головой и рассмеялся: "Нет уж, я не хочу завтра страдать от головной боли. Да и Мин Чжэнь не переносит крепких напитков. Мы с ним будем пить фруктовый настой."

"Ладно, ладно," — согласился Фучжоуский ван, не настаивая. Он самостоятельно наполнил свою чашу и осушил её одним глотком.

Ночь становилась всё темнее, а огни в зале — ярче, освещая лица троих мужчин. После нескольких кругов вина, даже от фруктового настоя Ли Чжао начал слегка краснеть и чувствовать лёгкое опьянение.

Фучжоуский ван становился всё разговорчивее. Обнимая чашу с вином, его глаза блестели, а голос звучал искренне после выпитого: "Братец Император, сегодня я действительно счастлив. Я знаю, моя мечта стать генералом обязательно осуществится. Я получил лук отца-императора и... и услышал его наставления."

Он сделал паузу, поглаживая край чаши, и его голос стал тише, пропитанный лёгкой растерянностью: "Но почему-то мне немного грустно. Когда я взял этот лук в руки... он показался мне совсем обычным."

"Он даже не такой красивый, как те луки в моей коллекции, и не такой тяжёлый или прочный. В конце концов, когда отец-император начинал своё восхождение, условия были тяжёлыми, где бы он взял хороший лук?"

Услышав это, Ли Чжао закрыл лицо рукой в безнадёжном жесте. Было очевидно, что его брат действительно опьянел — в обычное время Уэнси никогда бы не позволил себе таких непочтительных высказываний. "Эти слова ни в коем случае не должны услышать наши родители, иначе тебе несдобровать."

"Конечно, я не глупец," — пробормотал Фучжоуский ван, качая головой.

Внезапно он поднял голову: "Братец Император, я решил! Я ухожу! Завтра или послезавтра... скоро! Я попрошу разрешения у отца-императора, и на этот раз он точно не сможет меня остановить!"

Он разволновался, жестикулируя: "Раньше я хотел стать великим генералом, потому что вырос

на рассказах об отце-императоре, который завоевал мир. Мне казалось, что это невероятно круто. Но сегодня отец прав: прошлые заслуги — это всего лишь прошлое."

Он внезапно встал, слегка покачиваясь от выпитого, но стараясь держаться прямо. Его голос разносился по тёплому залу, наполненный решимостью человека, готового сжечь все мосты:

"Поэтому — я собираюсь превзойти нашего отца! Я стану величайшим генералом, более великим, чем наш отец! Я расширю границы Шэна! Я буду защищать эти тысячи ли рек и гор, чтобы знамена Шэна развевались ещё дальше!"

Ли Чжао был поражён этим внезапным заявлением. В состоянии лёгкого опьянения ему всё ещё слышались холодные и реалистичные слова отца о том, как управлять государством и поддерживать баланс, теперь переплетённые с чистым энтузиазмом и благородными амбициями младшего брата.

Братья? Подданные? Отец и сын? Правильно или неправильно? Как судить? Казалось, что однозначного ответа нет, всё зависит от сердца.

В конце концов, Ли Чжао просто поднял свой нефритовый кубок. Фруктовый настой в нём мерцал янтарным светом.

Глядя на полного энтузиазма младшего брата, в его глазах читалась смесь одобрения и лёгкой, почти незаметной тревоги. "Хорошо, у тебя есть амбиции. Тогда позволь мне поднять этот кубок за будущего великого генерала. Пусть тебе сопутствует удача, и пусть твои мечты сбудутся."

Ночь становилась всё глубже. В конце концов, Фучжоуский ван не смог справиться с алкоголем и уткнулся лицом в стол, продолжая что-то бормотать: "...в любом случае, спасибо тебе, братец. За всё. Я не могу понять, что наш отец чувствует ко мне, но я не жалею ни о чём. Пока ты остаёшься моим братом, моим старшим братом." Эти слова были едва слышны и растворились в воздухе.

Постепенно он затих, оставив только ровное дыхание.

Ли Чжао дал знак слугам отвести его отдыхать. Смотря вслед младшему брату, которого вели под руки — всё ещё с детскими чертами лица, но уже с явными признаками зрелости — его мысли были полны противоречий.

"А Чжао," — тихий голос Мина Чжэня нарушил тишину. "О чём ты думаешь?"

Его голос был особенно чётким в эту ночь, наполненную алкоголем и волнением.

Ли Чжао помолчал. Угли в котле давно погасли, оставив лишь немного тепла. "Я думаю..." —

медленно начал он, его голос был более хриплым из-за лёгкого опьянения. "О словах, которые отец сказал сегодня, и о выражении его лица, когда он передавал лук Уэнси."

Он повернулся к Мину Чжэню. Отблески огня играли в его глазах, выдавая редкую растерянность и усталость. "Мин Чжэнь, ты думаешь, испытывает ли наш отец хоть какую-то искреннюю привязанность к Уэнси? Когда он похлопал его по плечу, это было продуманным предупреждением или всё-таки мелькнула тень сострадания?"

Он горько усмехнулся. "Я больше не могу различить. Отец говорит, что принимает все последствия, будь то ненависть или радость. Но является ли это принятие проявлением холодной расчётливости императора или бессилием отца, разрываемого между властью и семейными узами?"

Мин Чжэнь не ответил сразу. Вместо этого он убрал остывший фруктовый настой перед Ли Чжао и поставил перед ним чашку свежесваренного чая.

"Что беспокоит А Чжао? Фучжоуский ван? Или ты боишься, что однажды сам станешь таким же, как Его Величество, вынужденным взвешивать каждое чувство?"

Ли Чжао сглотнул. "Мин Чжэнь, я не знаю."

Мин Чжэнь провёл рукой по его бровям, мягко разглаживая их. "Если говорить о первом, искусство управления и родственные связи невозможно полностью разделить. Что касается искренности и расчёта — возможно, даже сам Его Величество не может полностью разобраться в этом. На этом месте многие вещи происходят помимо нашей воли."

"Его Величество выбрал свой путь и принял последствия. А Фучжоуский ван выбрал верить в эти ожидания и превратить их в силу для движения вперёд. Для него это, возможно, лучший результат."

Ли Чжао задумчиво слушал. Да, Уэнси выбрал верить и благодаря этому обрёл силу и направление. Разве это не важнее, чем размышлять о том, насколько чиста "родительская любовь" нашего отца, смешанная с политическими интригами?

"Ты прав," — он глубоко вздохнул, выпуская тяжесть, давившую на грудь. "Я думал неправильно. У каждого своя дорога, свои обстоятельства. Если Уэнси может понять это, быть мудрым и двигаться к своей цели — это прекрасно."

Мин Чжэнь, видя, как его брови немного расслабились, продолжил: "Что касается второго вопроса — Руйван Ли Чжао, которого я знаю, не такой человек и никогда не будет пленником власти. Потому что его глаза могут видеть простых людей."

Он наклонился ближе, сокращая расстояние между ними: "К тому же, пока я рядом, чего тебе

бояться?"

Ли Чжао допил чай. Горьковатый вкус, переходящий в сладость, смыл остатки приторности и алкоголя. Когда он снова поднял глаза, большая часть растерянности исчезла. "Я действительно такой твёрдый?"

Услышав это, Мин Чжэнь поднял руку и аккуратно поправил пряди волос, выбившиеся из причёски Ли Чжао. Его пальцы медленно скользнули по контуру лица и остановились точно над его сердцем.

"Да. Здесь ты всегда был сильным."

Ли Чжао почувствовал, как тепло разлилось по груди от прикосновения этих пальцев. Он поднял руку и сжал ладонь Мина Чжэня, лежащую у него на груди. "Тогда я полагаюсь на тебя, Мин Чжэнь."

Его тон был наполовину серьёзным, наполовину шутливым: "Если однажды я действительно потеряю себя в этой позиции, если моё сознание затуманится и я перестану узнавать себя... ты должен будешь вернуть меня назад. Вернуть любой ценой."

Он моргнул и добавил с намёком: "Если логические доводы не помогут... я не против более решительных мер."

Брови Мина Чжэня дрогнули, и в его глазах промелькнула улыбка. Он, конечно же, понял скрытый смысл этих слов. Притворяясь задумчивым, он спросил с улыбкой: "Ты имеешь в виду настоящие решительные меры?"

Глаза Ли Чжао широко раскрылись от удивления: "Как ты можешь говорить такие вещи?"

Мин Чжэнь сохранял серьёзное выражение лица: "А что такого я сказал?"

"Ты!" — Ли Чжао запнулся, глядя на его притворно невинное лицо, и решил схитрить: "Всё равно, это сказал котёнок."

"Котёнок?" — в глазах Мина Чжэня заблестел ещё больший смех. Он вдруг протянул руку и, используя палец как кисть, быстро нарисовал три линии на каждой щеке Ли Чжао, прежде чем тот успел среагировать.

Мин Чжэнь убрал руку и, глядя на воображаемые усы на лице Ли Чжао, сказал с улыбкой: "Да, это сказал маленький цветочек-котёнок."

Ли Чжао на мгновение замер, затем потрогал своё лицо. Глядя на улыбающиеся глаза перед

собой, он почувствовал, как тёмный уголок в его сердце наполнился ясным лунным светом.

Ночь была нежной, огни угасали. Чай был тёплым, как и сердца людей.

<http://bllate.org/book/17167/1608890>